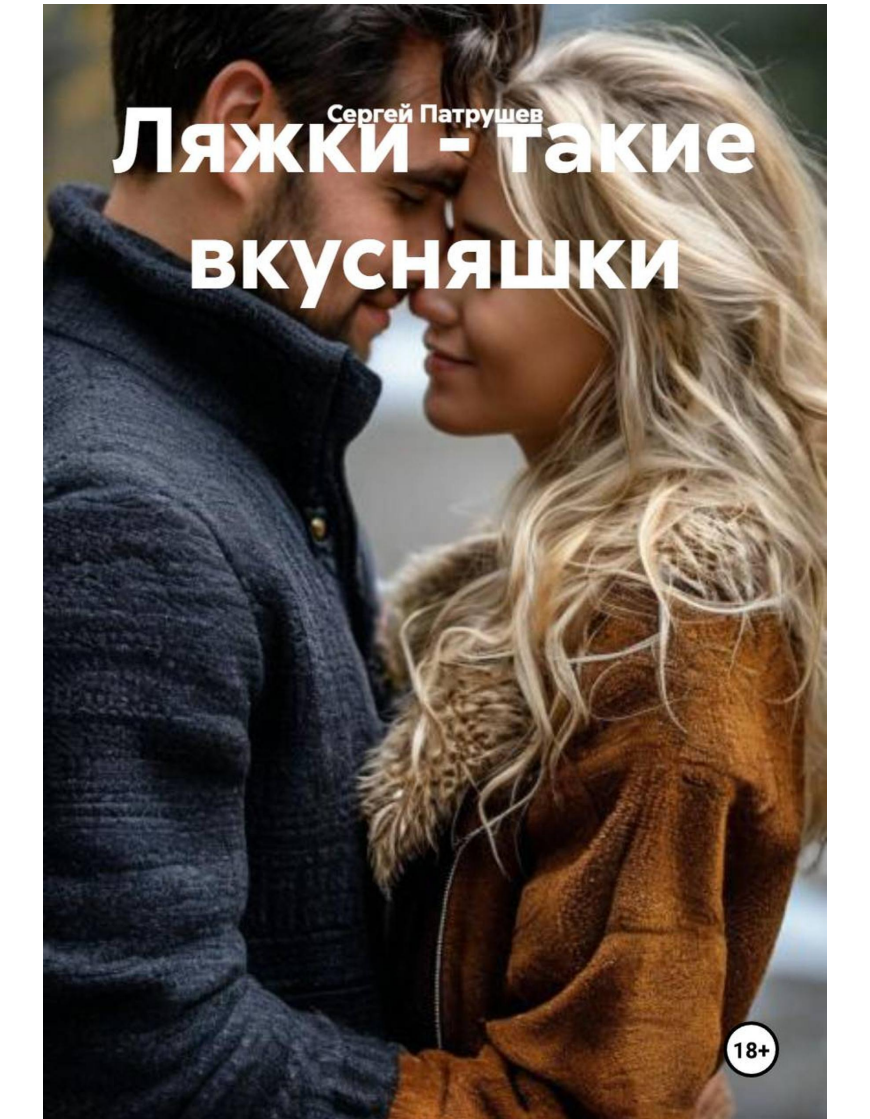

A romantic couple, a man and a woman, are shown in a close embrace, about to kiss. The man is on the left, wearing a dark blue quilted jacket, and the woman is on the right, wearing a brown jacket with a fur collar. They are both smiling and looking at each other. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

Сергей Патрушев

Ляжки - такие ВКУСНЯШКИ

18+

Сергей Патрушев

Ляжки - такие вкусняшки

<https://litres.ru/73493866>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история любви, которая длится вечность. Алиса и Сергей — обычные люди, чья встреча навсегда изменила их жизни. Она — красивая блондинка с потрясающими ляжками, которые он назвал «самыми вкусняшками на свете» в первый же вечер их знакомства. Он — обычный парень, который потерял голову от одного её взгляда.

Их путь — это не просто романтическая сказка, а настоящая жизнь со всеми её испытаниями. Бессонные ночи с детьми, финансовые трудности, кризисы среднего возраста, ссоры и примирения, потеря близких и обретение нового смысла. Они проходят через всё это вместе, не переставая любить друг друга ни на минуту.

История разворачивается через годы и десятилетия, переходя из реального мира в миры иные, где любовь становится светом, звёздами, самой тканью мироздания. Сергей и Алиса проживают много жизней, встречаются своих потомков, становятся хранителями для новых поколений.

Эта книга о том, что настоящая любовь не знает границ — ни временных, ни пространственных.

Содержание

Глава 1. Ляжки, от которых сносит крышу

4

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Ляжки - такие вкусняшки

Глава 1. Ляжки, от которых сносит крышу

Сергей лежал на диване, раскинувшись в позе абсолютно-го, ничем не замутнённого покоя, и смотрел в потолок. Это было его любимое состояние — состояние блаженного ничегонеделания, когда мысли текут медленно и лениво, словно густой мёд, и ни одна из них не требует немедленного действия. В потолке, если честно, не было ровным счётом ничего интересного, кроме старой, чуть пожелтевшей от времени краски, которая местами пошла микроскопическими трещинками, образующими причудливый узор, напоминающий карту какого-то несуществующего континента. Он уже изучил эту карту вдоль и поперёк за те многие часы, что провёл на этом диване.

Вот это пятнышко похоже на Австралию, а вот та длинная извилистая трещина — на русло Амазонки. Но даже это неспешное картографическое исследование было всё равно в тысячу раз лучше, чем пялиться в телефон, где все новости уже давно закончились, а социальные сети превратились в бесконечный, утомительный поток одинаковых фотографий

чужих обедов и бесконечных рассуждений о вещах, которые не имели к его жизни ни малейшего отношения. Телефон лежал на журнальном столике экраном вниз, словно наказанный ребёнок, и Сергей испытывал почти физическое облегчение от того, что может его игнорировать. Тишина квартиры была не абсолютной — она была живой, наполненной звуками чужого присутствия, и от этого особенно уютной. Из кухни доносилось звонкое, ритмичное постукивание ножа о разделочную доску — размеренное, успокаивающее «тук-тук-тук», которое говорило о том, что мир в порядке, что кто-то готовит еду, что жизнь идёт своим чередом. И поверх этого кухонного перкуссионного ритма, словно лёгкая мелодия флейты поверх оркестра, плыло тихое мурлыканье.

Алиса напевала какую-то до ужаса дурацкую, прилипчивую песенку из рекламы стирального порошка или йогурта — одну из тех мелодий, что застревают в голове намертво и начинают звучать там в три часа ночи без всякой на то причины. Она делала это совершенно не профессионально, частенько фальшивя на высоких нотах и забывая слова, заменяя их невнятным «ля-ля-ля», но делала это так мило, так по-домашнему, с такой неподдельной, бессознательной радостью от простого процесса приготовления ужина, что Сергей невольно улыбнулся, чувствуя, как где-то в груди разливается тёплая, почти горячая волна благодарности неизвестно кому за то, что эта женщина существует в его жизни.

Он закрыл глаза, продолжая слушать этот импровизиро-

ванный концерт, и позволил себе просто быть — без планов, без тревог, без необходимости куда-то бежать и что-то решать. Это было то самое редкое, почти вымирающее в современном мире чувство полного покоя, когда настоящее настолько совершенно, что не хочется ни прошлого, ни будущего. Подушка под головой приняла форму его затылка с идеальной точностью, плед укрывал ноги, создавая тот самый микроклимат, при котором не жарко и не холодно, а именно так, как нужно. В такие моменты начинаешь верить, что счастье — это не какая-то грандиозная цель, а вот такие мелочи, из которых оно складывается, как мозаика из крошечных кусочков смальты.

— Сереж, сметана в холодильнике есть? — донёсся её голос, чуть приглушённый расстоянием и стенами, но всё равно ясный и звонкий, как колокольчик.

— Угу, — лениво отозвался он, не открывая глаз и даже не пошевелившись. Ответ был скорее рефлекторным, чем осмысленным, потому что его мозг категорически отказывался выходить из режима энергосбережения и заниматься какими-либо логическими операциями, включая инвентаризацию содержимого холодильника. Есть сметана? Наверное, есть. А может, и нет. Какая разница? Мир не рухнет от отсутствия сметаны.

— А какая? Не старая? — в её голосе появилась та особая, требовательная интонация, которая безошибочно указывала на то, что одним междометием тут не отделаешься.

Сергей вздохнул — глубоко, полной грудью, так, как вздыхают люди, которых бесцеремонно вырывают из рая и заставляют возвращаться в бранный мир, полный сметан, сроков годности и прочих скучных вещей. Он с трудом, преодолевая сопротивление каждой мышцы, начал отрывать своё тяжёлое послеобеденное тело от мягких, обволакивающих объятий дивана. Это было настоящее физическое усилие, сравнимое, наверное, с подъёмом штанги или восхождением на гору. Диван, казалось, не хотел его отпускать, цеплялся за него всеми своими подушками и пружинами, нащёптывал: «Останься, куда ты, там сметана, а здесь — покой». Ну почему, ну почему в этом мире ничего нельзя решить просто? Почему нельзя просто сказать «нет» или «да», почему нужно обязательно вставать, идти, открывать холодильник, смотреть на упаковку, искать дату производства, которая обычно напечатана микроскопическим шрифтом в самом неудобном месте? Почему устроено так, что любая, даже самая простая просьба влечёт за собой целую цепочку действий, нарушающих священный покой? Он уже открыл рот и набрал в лёгкие воздух, собираясь выдать обстоятельную, философски обоснованную тираду о несовершенстве мироздания, о трагической невозможности телепатии, о том, что человечество уже должно было изобрести холодильники, которые сами сообщают о содержимом, — как Алиса, видимо, потеряв терпение, сама появилась в дверном проёме.

И в тот же миг всё, что он хотел сказать, каждая тщатель-

но сформулированная мысль, каждая приготовленная фраза — всё это бесследно испарилось, как утренний туман под палящим солнцем, как вода на раскалённой сковороде, как будто кто-то нажал невидимую кнопку «delete» в его голове. Потому что то, что он увидел, не оставляло места ни для каких рациональных размышлений. Это было зрелище, которое атаковало напрямую те древние, первобытные отделы мозга, которые не знают слов, а знают только образы и желания.

На ней была его старая, безразмерная футболка, которая висела на её миниатюрной фигуре как свободное платье, достигающее до середины бедра, и больше на ней, кажется, не было ничего. Футболка была синей, но не той яркой, фабричной синевой, а благородно выцветшей, прошедшей через десятки стирок, отчего цвет стал мягким, словно линияное летнее небо. Спереди красовался дурацкий, давно потрескавшийся принт с логотипом рок-группы, которую он фанатично слушал в институте, а теперь уже лет десять как не вспоминал. Но сейчас, в этот самый момент, эта футболка была не просто предметом гардероба — это была самая сексуальная вещь в мире, потому что она балансировала на грани откровенности, едва-едва прикрывая то, ради чего, честное слово, стоило бы вставать даже с самого удобного дивана на свете. В этом было что-то особенное — видеть женщину в своей одежде. Это включало какой-то атавистический инстинкт собственника, смешанный с нежностью и желанием.

Она стояла в проёме, уперев руки в бока — жест одновременно воинственный и невероятно милый, — и смотрела на него с той особенной притворной строгостью, за которой безошибочно угадывалась готовность в любой момент рассмеяться. Солнце из окна коридора било ей в спину, создавая эффект живописного контрового света, как на картинах старых мастеров. Оно подсвечивало её золотистые волосы, собранные в небрежный, чуть растрепавшийся пучок на макушке, превращая их в сияющий нимб, и рисовало вокруг её тела идеальный, волнующий силуэт. Но Сергей, как истинный ценитель прекрасного, смотрел не на нимб. Он смотрел ниже. Он смотрел на её ляжки.

Боже, какие же это были ляжки. Это не было преувеличением, не было поэтической метафорой или минутным помутнением рассудка — это была объективная, неопровержимая реальность. Не те худосочные, острые, как велосипедная рама, конечности, что красуются с обложек глянцевого журналов, заставляя нормальных людей комплексовать и мучить себя диетами, а настоящие, живые, божественные женские ляжки, созданные самой природой для того, чтобы сводить мужчин с ума. Они были округлыми, налитыми той здоровой, сочной полнотой, которая говорила о жизненной силе и плодородии. Они были упругими — это чувствовалось даже на расстоянии, даже просто по тому, как уверенно она стояла. И они были невероятно, до дрожи соблазнительными. Белые, нежные, словно сделанные из самого дорогого, таю-

щего сливочного мороженого, которое никогда не пробовал, но всегда мечтал попробовать. Ему отчаянно, почти до боли, захотелось попробовать их на вкус — провести языком, почувствовать эту прохладную гладкость, эту податливую мягкость. Словно это и правда были самые вкусные ляжки на свете. Ляжки-вкусняшки. Да, именно так. Другого слова и не подберёшь.

— Ты чего там застыл, как памятник? — Алиса моргнула, не понимая причины его внезапного паралича и этого странного, остекленевшего выражения на его лице. В её голосе появилась нотка настороженного любопытства. — Сметана-то есть? Ты меня слышишь вообще?

— Там... там всё есть, — хрипло, каким-то чужим, севшим голосом выдохнул Сергей, поднимаясь с дивана. Но теперь это было не сомнамбулическое, ленивое движение, а плавное, целенаправленное движение хищника, который наконец-то завидел свою добычу и уже не сводит с неё глаз. — Какая разница, что там в холодильнике. Это совершенно неважно.

Он двинулся к ней, и в этом движении не было ничего от того сонного, размороженного человека, который пять минут назад лежал на диване. Это была поступь охотника — мягкая, неотвратимая, исполненная какой-то первобытной грации. Алиса, уловив перемену, попятилась, сделала шаг назад, но коридор был узким, и она тут же наткнулась спиной на дверной косяк. Ловушка захлопнулась. Но вместо испуга

она лишь звонко, заливисто рассмеялась — тем самым смехом, который был таким же тёплым, как и всё в ней. Этот смех наполнял комнаты, отскакивал от стен, проникал во все углы, изгоняя оттуда даже намёк на тишину и скуку.

— Ты чего? Совсем сумасшедший! — воскликнула она сквозь смех, выставляя перед собой руки в инстинктивном, но явно формальном защитном жесте. — Я там ужин готовлю! У меня тесто! Там мука! Всё по плану, между прочим!

— Ужин подождет, — пробормотал он, уже оказываясь рядом, вплотную, так близко, что мог сосчитать каждую золотистую ресничку на её веках. Он уткнулся носом в её макушку, глубоко вдохнул — и весь мир сузился до этого запаха. Она пахла ванилью, корицей и чем-то ещё, неуловимым, что нельзя купить ни в одном парфюмерном магазине мира — запахом дома, уюта и безграничной нежности. Его руки, словно обладая собственным разумом, легли ей на талию, ощутив под тонкой тканью футболки тепло её кожи, а потом медленно, неумолимо скользнули ниже, туда, где начиналось это великолепие — это мягкое, упругое, совершенное великолепие.

Алиса взвизгнула и дёрнулась, пытаясь вывернуться из его объятий, но это была чисто символическая попытка — попытка, которая не имела ни шанса на успех, потому что сопротивление было скорее данью традиции, ритуальным танцем, чем настоящим желанием сбежать.

— Щекотно же! — закричала она, извиваясь. — И мука!

Я вся в муке! Посмотри на свои руки! Сейчас я тебя всего измажу, будешь как мельник!

— Я согласен, — выдохнул Сергей ей прямо в шею, туда, где билась тонкая голубая жилка, и его горячее дыхание заставило её зажмуриться от удовольствия, на мгновение забыв и о муке, и об ужине, и обо всём на свете. — Можешь измазать меня с ног до головы. Можешь превратить меня в снеговика из муки. Я на всё согласен.

Он сжал пальцами её ляжку — мягко, но уверенно. Под его ладонью она ощущалась как самая дорогая, самая совершенная ткань в мире — тёплая, невероятно приятная на ощупь, упругая, но податливая, идеально заполняющая ладонь. Самая лучшая подушка безопасности в мире. Самая лучшая антистресс-игрушка. Самое лучшее всё.

— Серёж! — в её голосе уже не было и тени протеста, только смех, только радость. Она запрокинула голову назад, подставляя его губам всю шею. — Ну правда, ну тесто же! Оно так и будет стоять на столе, а потом...

— К чёрту тесто, — прошептал он, мягко, но настойчиво оттесняя её от кухни обратно в комнату, подальше от муки, разделочных досок, скалок и прочих атрибутов кулинарного процесса. — У нас тут чрезвычайная ситуация. Ситуация высшего уровня опасности. Требуется немедленная дегустация.

— Чего? — не поняла она, но глаза её уже блестели тем особенным, влажным блеском предвкушения, который был

красноречивее любых слов.

— Ляжек, — серьёзно, даже торжественно, словно объявляя приговор, ответил Сергей, подхватывая её на руки. Она оказалась удивительно лёгкой, и в то же время такой настоящей, такой полновесной в его руках. — Твоих ляжек. Они такие вкусняшки, что терпеть больше нет никаких сил. Я должен проверить. Это вопрос жизни и смерти.

Алиса расхохоталась так громко, так заливисто и искренне, что, наверное, соседи за стенкой — та самая пожилая пара, которая вечно ворчала по любому поводу, — покачали головами и многозначительно переглянулись. Но им было всё равно. Им было всё равно на соседей, на остывающее тесто, на время суток, на все правила и приличия. Она обвинила его шею руками, крепко, доверчиво, и звонко чмокнула его в кончик носа, оставляя на коже забавное белое мучное пятно, которое делало его похожим на клоуна.

— Сумасшедший, — повторила она, но в её голосе звучало столько нежности, столько всепоглощающей любви, сколько не вместил бы ни один океан, ни одно море, ни один космос. Это было слово, которое значило прямо противоположное своему словарному определению. Оно значило «любимый», «единственный», «мой».

Он рухнул с ней на диван, и тот жалобно скрипнул, принимая на себя их общий вес. Пыльные лучи закатного солнца, пробивавшиеся сквозь неплотно задёрнутые шторы, танцевали на двух переплетённых телах, на синей выцветшей

футболке, на белой коже и на этих самых ляжках, которые действительно были самым вкусным блюдом в этом доме — блюдом, которое никогда не надоест, которое всегда будет манить и сводить с ума. За окном шумел город, куда-то спешили люди, происходили какие-то важные мировые события, но всё это было где-то там, в другой вселенной, за стеклом. А здесь, в этой комнате, была своя собственная вселенная, со своими законами и своими радостями. А ужин? Ужин подождет. В конце концов, счастье — это когда твой мир помещается в твоих руках, пахнет ванилью и мукой, довольно хохочет, когда ты кусаешь её за бок, и никуда от тебя не торопится, потому что ему с тобой так же хорошо, как и тебе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.